

Иванов Вячеслав Иванович

**Родное и вселенское. Статьи
1914-1916**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В99

В99 **Вячеслав Иванович И.**
Родное и вселенское. Статьи 1914-1916 / Иванов Вячеслав Иванович – М.: Книга по Тре-
бованию, 2024. – 208 с.

ISBN 978-5-519-86563-0

ISBN 978-5-519-86563-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Вселенское дѣло.

I.

Событія, которыя, въ эти великіе дни, какъ много-знаменательную и рѣшительную часть собственной жизни нашей суждено переживать намъ, свидѣтелямъ ихъ и участникамъ (а участвуетъ въ нихъ каждый вѣрный, поскольку вѣренъ, и всѣ—только участники, вершители же и вожди истинные скрыты отъ глазъ земныхъ), — событія, которыя дали всѣмъ намъ въ годину испытанія тяжкаго, идя и провожая милыхъ на смерть,дохнуть чистѣйшимъ воздухомъ соборнаго единенія и каждому на себѣ самомъ внезапно ощутить, что на долю личности можетъ быть оставленъ лишь тѣснѣйшій участокъ ея повседнежнаго замкнутаго сознанія, когда вокругъ этого островка разольется просторъ всенароднаго единомыслія и единоизволенія, — эти событія, за ходомъ которыхъ не поспѣваетъ человѣческая мысль, ищущая ихъ осмыслить, — отмѣчены печатью судебъ вселенскихъ. Сердце знаетъ: вселенское дѣло творитъ отечество наше въ эти священные дни. Каковъ же вселенскій смыслъ нашего отечественнаго дѣла?

Утверждая вселенское значеніе современныхъ событій, я не хочу сказать то, что вихрь войны охватилъ полміра и что на всемъ лицѣ земли нѣтъ гражданственнаго общежитія, не содрогнувшася подъ его бурнымъ дыханіемъ. Церковь научила насъ означать словомъ «вселенскій» нѣчто, чего не объемлютъ и огромныя слова «міровой» и «всемирный»; его мы употребляемъ въ смыслѣ не внѣшне-пространственномъ, но глубинномъ и духовномъ. «Вселенскимъ» право именуется то, что не численно относится къ совокупности обособлен-

ныхъ частей раздѣленнаго мірозданія, но сверхчувственно знаменуетъ внутреннюю живую цѣлокупность Міровой Души. Говоря о вселенскомъ дѣлѣ, я говорю о дѣйствіи духа, о дѣлѣ духовномъ. Ибо человѣчество, какъ единство соборное, есть человѣчество въ Духѣ и Истинѣ.

II.

Если же такъ, то не дерзкое ли произнесъ я и не чрезмѣрное ли слово? И если бы слово это повторено было согласными устами, не въ тончайшемъ ли самопревознесеніи были бы повинны мы, такъ мыслящіе и говорящіе,—не горшимъ ли прельщены были бы надмениемъ, чѣмъ сами преступно надмившіеся враги наши? Но не гордыня народная, или государственная внушаетъ мнѣ это слово, а вѣра и страхъ: вѣра въ Бога и въ душу родной земли, страхъ суда Божія надъ этою душой. Душа народа, въ глазахъ моихъ, есть отвѣтственный передъ Богомъ, Имъ посланный и Ему подсудный ангелъ, подобный тѣмъ ангеламъ частныхъ церквей, которыхъ изображаетъ одобряемыми и обличаемыми начало Іоаннова Откровенія. Вселенскій характеръ предпринятаго дѣла налагаетъ на душу Россіи одну изъ неисповѣдимыхъ отвѣтственностей, коихъ вѣсь на вѣсахъ Судіи несоизмѣримъ ни съ чѣмъ, что знаетъ, какъ грѣхъ или славу, человѣческій судъ. На томъ судѣ, гдѣ рѣшаются преступленія и заслуги народныхъ ангеловъ, свидѣлствуютъ громы, и приговоръ изрѣкаетъ Сидящій на Престолѣ—Тотъ, изъ чьихъ устъ исходитъ обоюдоострый мечъ.

Такую взяла на себя Россія отвѣтственность, на такой она предстала судъ. Но не своевольно предстала, не самочинно вызвалась по своему толковать и насильственно вершить на землѣ Божію Волю. Она была приглашена предъ Судилище и предстала по вызову. Принужденіемъ Божественнаго Промысла подвигнутая, взялась она за мечъ земной, за подвигъ обороны своихъ и дружнихъ очаговъ, и ввѣренныхъ ей святынь, и возложенныхъ на нее упованій, и данныхъ ей обѣтованій

Духа,—а чрезъ то и за вселенское свое дѣло. Не само-надѣянный починъ явила она, но повиновеніе, какъ бы враги ни лжесвидѣтельствовали на нее, обзывая зачинщицею.

Если же нѣтъ на насъ вины самозванства, остается со страхомъ и вѣрою причаститься предложенной намъ страстной чашѣ того Причастія, что опаляетъ недостойнаго огнемъ, но и разбойника покаившагося освящаетъ. Должно только съ мужественнымъ благоговѣніемъ сознать, что Таинство есть Таинство, памятуя, что не прежніе грѣхи, о которыхъ сокрушается сердце наше, губительны, но погубила бы насъ новая измѣна,—и таинственно скажетъ въ насъ сердце чистое, исполняясь мощію неодолимою, тишайшее изъ дѣвственно-сокровенныхъ словъ: «Эммануиль, еже есть сказано: съ нами Богъ».

III.

Какъ могло бы быть названо вселенскимъ воистину дѣло, до конца постижимое человѣческому уму, имъ опредѣлимое и предопредѣленное, измѣримое и предъизмѣренное въ своихъ путяхъ и послѣднихъ цѣляхъ? Такое сознаніе предпринимаемаго лично, или личностями несло бы въ себѣ ограниченіе его смысла границами личности. Мировымъ могло бы стать дѣло мысли нашей, но не вселенскимъ, не дѣломъ сверхличнаго разума. И не учить ли именно настоящая война тщетѣ человѣческихъ умышлений,—эта война, которая въ самомъ предуготовленіи и теченіи своемъ уже по сей день являетъ наглядное крушеніе послѣдовательнѣйшей разсудочности и предусмотрительнѣйшей расчетливости? Необходимо, чтобы дѣло вселенское было дѣломъ сокровеннымъ и сверхразумнымъ.

Но отчасти постигать его мы все же можемъ и, поскольку можемъ, конечно, и должны. Пусть вершина Синая облечена завѣсою облачною: его молніи озаряютъ нашу совѣсть блистаніемъ ослѣпительно-ясныхъ заповѣдей. Сознательности нашей соразмѣрна отвѣтствен-

ность наша; ибо принужденіе Божественнаго Промысла дивно сочетается съ нашимъ свободнымъ самоопредѣленіемъ. Сознаніе вселенскаго смысла совершающихся событій есть одновременно допросъ Судіи и оправданіе,—воистину мечъ обоюдо-острый,—вѣсы испытанія и жребій побѣды.

Если мы возложили руку на плугъ вселенскій, а сами оглядываемся назадъ,—неблагонадежны мы, и неблагонадежна наша побѣда. Если вселенскимъ именемъ и знаменемъ мы прикрываемъ свое себялюбіе, властолюбіе, корыстолюбіе, самомнѣніе и жестокость, зависть и ненависть,—лучше намъ быть покоренными и поработченными, чѣмъ оказаться измѣнниками и христопродавцами. И лучше не зазеленѣть густо-лиственной смоковницею подъ лучами грядущей весны, нежели чтобы Подошедшій къ намъ сорвать плодъ не нашелъ плода въ вѣтвяхъ зеленыхъ и съ виду сочныхъ. Но если поистинѣ вѣрны мы началу вселенскому, насъ ограждаетъ нерушимая Стѣна, вселенская Матерь Свѣтовъ.

IV.

Напрасно ли раскрылась и зіяетъ предъ взорами вселенной земная вина противниковъ нашихъ грознымъ предостереженіемъ? Сорокъ четыре года тому, какъ она свершилась. Германскія племена жаждали единенія государственнаго: духъ германскій искалъ цѣлостнаго воплощенія. Онъ много далъ міру и требовалъ справедливаго: ибо трудящійся достоинъ своей награды. Рождалась новая Германія, въ которой, какъ естественно было надѣяться друзьямъ человѣчества, положительныя начала національнаго духа, необходимыя въ домостроительствѣ богочеловѣческомъ и издавна питавшія своими добрыми плодами духовный голодъ Европы, должны были проявиться еще полнѣе и благотворнѣе, чѣмъ во дни политической немощи и вынужденнаго раздѣленія.

Но, едва опомнившись отъ неожиданныхъ удачъ, едва коснувшись завѣтнаго отцамъ и изстари чаемаго сокровища, побѣдители, хватая одною рукою вождельн-

ный даръ изъ рукъ Провидѣнія, другою уже творили насиліе и притѣсненіе, уже злоупотребляли добытымъ благомъ. Достиженіе совпало съ нарушеніемъ. То, чего нѣкогда всего болѣе страшились богобоязненные и мудрые эллины,—случилось: нагнетена была и черезъ край переполнена мѣра, и тотчасъ проснулась въ нѣдрахъ временъ и устала на торжествующихъ неотводный, мстительный взоръ памятливая Эриннія, ревнивая Немесида. Кто превысилъ мѣру, говорили эллины, впалъ въ «надменіе»—Гибрію. Оно будетъ расти и, когда настанетъ година возмездія, внезапное затменіе разума, роковое умопомраченіе—слѣпая Ата—поведетъ гордеца и богоборца, не внѣшнимъ понужденіемъ, но его же вольнымъ избраніемъ, на край бездны и пагубы, въ свѣти черной Керы.

Тѣ же элементы античнаго воззрѣнія на метафизическую сущность нравственной вины, ведущей къ трагической гибели, явственно означаетъ Гете въ своемъ вѣщемъ изображеніи послѣдней судьбы Фауста, который задуманъ поэтомъ какъ синтетическій типъ нѣмецкаго духа въ его историческихъ судьбахъ отъ эпохи реформациі до новѣйшихъ временъ. Разувѣрившійся во всѣхъ внѣположныхъ вещественной дѣйствительности, или, точнѣе, феномену жизни, основахъ духа, Фаустъ одержимъ надменіемъ, за коимъ слѣдуетъ по пятамъ Обида. Недаромъ своимъ довѣреннымъ приспѣшникомъ въ овладѣніи царствами и богатствами міра, своимъ первымъ министромъ и полномощнымъ намѣстникомъ онъ ставитъ Мефистофеля. Этотъ, съ помощью Трехъ Сильныхъ, изъ-подъ чьихъ личинъ сквозитъ бездушная мощь, боевыхъ орудій, правитъ землею, какъ приличествуетъ дьяволу. Тогда начинается слѣпота Фауста, сбитаго съ толку демономъ суетливой Заботы,—наступаетъ его конечное умопомраченіе и, межъ тѣмъ какъ прислужники Аримана роютъ ему могилу, онъ мнитъ себя впервые въ жизни удовлетвореннымъ. О, эта иронія поэта-провидца! Фаустъ одряхлѣлъ и давно утратилъ былыя творческія силы, бывшее вдохновеніе. Когда-то онъ все постигалъ и не могъ ничего осуществить; теперь онъ ничего не знаетъ, агностикъ и охлажденный умъ, но

льститъ себя увѣренностью, что творитъ и осуществляетъ. Что же? Именно внѣшнюю культуру! Какое заблужденіе! Онъ мнитъ стоять съ вольнымъ народомъ на вольной землѣ, а самъ лишь тиранъ своихъ провинцій. Мы видимъ его колоніальныя завоеванія, видимъ гибель мирныхъ селеній надъ страною каналовъ (такъ растоптана въ наши дни Бельгія), но вмѣсто свободнаго народа передъ нимъ одни полчища стучащихъ костями Лемуровъ... И все же Фаустъ еще любитъ—самое Землю, еще вѣруетъ—въ живую Землю; онъ чувствуетъ въ ней Вѣчно-Женственное. Германство, увы, давно не вѣруетъ въ живую Душу Земли и не лелѣетъ въ сердцѣ мечты о Вѣчной Женственности. Оно презираетъ Жену Земную и оскорбляетъ Царицу Небесную. То, что обуславливаетъ эпилогъ въ небѣ и спасеніе бессмертной части Фауста, въ современной, видимой міру, Германіи безнадежно затемнено и утрачено.

V.

Съ тѣхъ поръ, съ того рокового 70-го года, истинно-творческія силы въ германствѣ стали видимо изнемогать и какъ бы отмирать и отыматься. Все дальше отлеталъ геній доброрадной, все милующей, свободы; все ближе подступалъ неумолимый демонъ насилія и принужденія. Всѣ дѣятельности духа казались уже тѣмъ плодovitѣе и блистательнѣе преуспѣвающими, чѣмъ прочнѣе воцарялось въ нихъ начало принудительности, рядившееся въ многоразличныя маски наукообразія и цѣлесообразности, порядка и дисциплины во всемъ—чѣмъ послушнѣе, чѣмъ исправнѣе подчинялись онѣ предумышленному и расчисленному устроенію. Такъ называемая «культурная» работа, на дѣлѣ же работа чисто аналитическая, или же заботливо исполнительная, росла въ обратномъ отношеніи къ оскудѣвающему творчеству.

Первоначальное нарушеніе мѣры повело къ ея нарушенію постоянному, равно въ дѣйствіяхъ цѣлостнаго самоопредѣленія народнаго, какъ и въ жизни мельчайшихъ клѣточекъ народнаго тѣла. Алчности вождельній

и заносчивости притязаній отвѣчала чрезмѣрность усилій до надрыва духовныхъ и переутоленія матеріально-общественныхъ силъ. Идеалы сердца и всякая неметаллическая крылатость порыва были осмѣяны; идеалы, представлявшіеся по существу достижимыми правильно приложенному труду и упорной настойчивости, получили единообразный чеканъ, клеймо «über» (т.-е. «сверхъ», какъ въ словѣ «сверхчеловѣкъ») надъ именами данностей, что обращало всяческое заданіе въ простое усиленіе и сгущеніе даннаго, въ напряженіе тѣхъ же внутренне косныхъ энергій за естественный предѣлъ насыщенности. Но простое натяженіе силъ безъ ихъ внутренняго высвѣтленія ведетъ къ тому общему искаженію всѣхъ формъ и цѣнностей, какое для религіозной совѣсти граничитъ съ нечестіемъ, съ точекъ же зрѣнія равно этической и эстетической представляется одичаніемъ. Варваръ, въ глазахъ эллиновъ и всѣхъ преемниковъ ихъ просвѣщенія, прежде всего тотъ, кто не знаетъ и не блюдетъ ни въ чемъ правой мѣры,—этой общей основы смиренномудрія и хорошаго вкуса.

Такъ выросла міровая и вселенская опасность,—опасность, нынѣ непосредственно надвинувшаяся, грозная и всеобъемлющая; и одного взгляда на изступленно-свирѣпое лицо того мрачнаго демона, что покрылъ своимъ тѣломъ германскіе полки, достаточно, чтобы опредѣлить ближайшими, отрицательными признаками содержаніе вселенскаго дѣла, подъятаго въ Богъ для отраженія этихъ бѣшеныхъ и смертоносныхъ вихрей.

VI.

Въ самомъ дѣлѣ, за что ведутъ войну наши противники и какимъ высшимъ началомъ оправдываютъ свою, какъ сами говорятъ, «волю къ побѣдѣ» надъ міромъ? Ничѣмъ, или самою этою волей. «Ich hab' meine Sach auf Nichts gestellt». Германія, какъ высшая цѣнность—«über Alles»,—какъ цѣнность крайняя и въ трагически-безысходномъ смыслѣ послѣдняя,—что это? Очевидно, не вселенскій завѣтъ, ни даже завѣтъ народ-

наго духа. Крикъ ли это самоутверждающаго въ наготѣ своей племенного себялюбія, біологическій лозунгъ въ борьбѣ за преобладаніе вида, или же, въ человѣческомъ, не звѣриномъ истолкованіи, отчаянное провозглашеніе гибели всѣхъ безусловныхъ цѣнностей?

Вѣдь нельзя сказать, чтобы даже деспотическое требованіе «покоритесь и поклонитесь»,—такое выставилъ нѣкогда міру древній Римъ,—было само по себѣ неприемлемо свободному человѣческому духу, желающему столь же подчиняться, сколь властвовать; но приемлемо оно лишь подъ условіемъ, что покоряющимся будетъ возвѣщено, во имя чего сильный беретъ надъ ними власть. Голый и прямой отвѣтъ: «у насъ нѣтъ имени, кромѣ нашего», враги наши укрываютъ лицемѣрною ссылкою на свою «культуру», которая-де и есть культура въ своей исконной сути и послѣдней завершенности. Такъ и бельгійцевъ недавно убѣждали они: «примите нашу культуру». Но вселенское содержаніе того, что подъ германскою культурою разумѣтъ надлежитъ и весь міръ разумѣтъ, давно воспринято міромъ и, если кѣмъ утрачено въ своей важнѣйшей и духовнѣйшей части, то скорѣе всего ими же, ожесточившимися эпигонами величавыхъ предковъ.

О нынѣшней нѣмецкой философіи культуры и о самомъ достопримѣчателѣнномъ терминѣ «культура», нѣмцами неспроста признанномъ за наиболѣе цѣлесообразный, въ виду его чистой формальности, объ этомъ подозрительномъ и внутренне опустошенномъ терминѣ, которымъ они подмѣнили старыя и благородныя означенія: «гражданственность», «образованность», «просвѣщеніе»,—который за послѣднее время почти навязали они, побѣдивъ здоровое сопротивленіе латинскихъ языковъ, и другимъ европейскимъ народамъ,—здѣсь говорить, какъ предметъ того заслуживаетъ, не мѣсто и не время. Достаточно установить, что подъ «культурою» Германія разумѣтъ формально соподчиненное и упорядоченное упражненіе обособленныхъ знаній, умѣній и дѣятельностей и приписываетъ культуру себѣ потому, что это расчлененіе проведено-де у нея наиболѣе по-

слѣдовательно и эти дѣятельности наиболѣе усовершенствованы.

Но что же объединяетъ эту планомѣрную сложность? Въ теоріи—потребность устроиться безъ признанія высшихъ реальностей, организовать субъективное содержаніе познающаго; въ жизни—воля подчинить міровую данность субъективному изволенію подчиняющаго. Понятіемъ «культура» опредѣляютъ они смыслъ человѣческаго бытія; достоинство культуры измѣряютъ ея напряженіемъ,—не духовностью; наиболѣе и тенсивною и, слѣдовательно, наилучшею культурою провозглашаютъ свою. Германство, не какъ преданіе или заданіе, а какъ данная наличность, оказывается мѣрою всѣхъ вещей, и общею міровою цѣлью—державство германцевъ. Что культурная активность Германіи и военная ея активность суть двѣ стороны, или два лика, единой сущности, единой дѣятельной воли, не обинуясь заявили недавно знаменитѣйшіе представители нѣмецкой мысли въ своемъ пресловутомъ Призывѣ.

„Das also war des Pudels Kern!“ Современная германская культура—не что иное, какъ всеобъемлющая организація германской воли къ порабощенію міра, и нѣтъ въ ней иного ядра, кромѣ біологической аксіомы: „sumus qui sumus, vae victis“! На нашемъ языкѣ это преступное покушеніе съ духовными средствами зовется хулою на духа и безбожіемъ.

VII.

„Wie herrlich weit haben wir es gebracht!“ — говорятъ нѣмцы, и далеко не всегда звучитъ въ этихъ словахъ только тупое обывательское самодовольство, какое усматривалъ въ нихъ и высмѣивалъ Ницше.—«Какъ далеко опередили мы васъ, народы Европы, въ накопленіи и хитромъ использованіи всѣхъ наличныхъ частныхъ энергій! Всѣхъ опередили мы и въ преодоленіи старинныхъ предразсудковъ, препятствовавшихъ механической цѣлесообразности этого глубоко нами разработаннаго использованія. Мы преодолѣли наши Средніе Вѣка, кото-

рые были дѣтскимъ суевѣріемъ и расточали свои лучшія силы въ римскихъ походахъ императоровъ, безсознательно утверждая, впрочемъ, и въ своихъ наивнѣйшихъ цѣлеположеніяхъ пламенную волю къ міровому господству и одновременно выполняя дѣйствительно цѣнную и здоровую государственную работу—дѣло истребленія и поглощенія славянскихъ народностей. Мы преодолѣли пору политическаго дробленія и безсилія, которыхъ, повидимому, вовсе не замѣчалъ добрый старикъ Гете, хоть и правильно догадывался въ лицѣ своего Фауста, что «въ началѣ бѣ» не Слово, а Дѣло. Мы стали практическіе люди и „kluge Köpfe“, и самого Лютера, который все еще запускалъ въ бѣса чернильницей,—преодолѣли. Но мы сохранили мощный духъ Реформаціи,—не составъ, конечно, ея положительныхъ вѣрованій, еще тяготѣвшій надъ мыслью первыхъ ея провозвѣстниковъ,—но тотъ духъ свободнаго изслѣдованія, который продолжаетъ освобождать насъ при посредствѣ выработаннаго и предписаннаго нами понятія научности и приведетъ къ тому, что вся дѣятельность духа станетъ въ нашемъ смыслѣ наукообразной и все содержаніе этой дѣятельности проблематическимъ, жизнь же будетъ отдана жизни, въ ея научно-біологическомъ смыслѣ. Ибо „der Lebende hat Recht“, — «правъ живущій», какъ смекалъ даже сентиментальный Шиллеръ. Это и есть культура!»

Но если такъ проповѣдуетъ со всемірныхъ подмостковъ нѣкто, закутанный въ мѣховую мантию Фауста, другой, въ красномъ нарядѣ неотлучнаго Фаустова спутника, не отказываетъ себѣ, по старой привычкѣ, въ удовольствіи преподать публикѣ изъ суфлерской будки соотвѣтствующій комментарий. «Мы, о, племена земли»,—такъ звучитъ обертономъ этотъ комментарий,—«мы развратимъ и разоримъ вмѣстѣ съ вашими городами и селеніями, и духъ вашъ, мы разрушимъ вашу вѣру, вашъ патріотизмъ, вашу память объ отцахъ, ваше стародавнее преданіе, ваше преемственное творчество, и вы будете помогать намъ въ святотатствѣхъ и поруганіи могилъ, и будете цѣловать оковы, что мы на васъ наложимъ, потому что вы благороднѣе насъ и способ-